

EDN: YBLCIR
УДК 392:17.023(=161.1)

Russianness: on the Concept Definition

Yuriy V. Kot*

*Moscow State Institute of Culture
Moscow, Russian Federation*

Received 29.02.2024, received in revised form 07.03.2024, accepted 20.03.2024

Abstract. The article examines the concept of Russianness, which is relevant both for the social sciences and humanities and for modern socio-political life. The author, analyzing the works of leading researchers and publicists, notes that Russianness is primarily a spiritual foundation, an inner worldview, a special warehouse of the soul. It is emphasized that the concept of “Russianness” is not identical to the concepts of “Russian-speaking” and “Russian”. It is highlighted that the ethnic component, while not being paramount, is also taken into account, complemented by the spiritual component.

Keywords: Russianness, spirituality, tradition, soul.

Research area: theory and history of culture, art (philosophical sciences).

Citation: Kot Yu. V. Russianness: on the concept definition. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 730–736. EDN: YBLCIR

Русскость: к определению понятия

Ю.В. Кот

*Московский государственный институт культуры
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается актуальное как для социально-гуманитарных наук, так и для современной общественно-политической жизни понятие русскость. Автор, анализируя работы ведущих исследователей и публицистов, отмечает, что русскость – это прежде всего духовная основа, внутреннее мироощущение, особый склад души. Подчёркивается, что понятие «русскость» не является тождественным

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: kotkot_76@mail.ru

понятиям «русскоязычный» и «россиянин». Выделяется, что этническая составляющая, не являясь первостепенной, также учитывается, дополняясь составляющей духовной.

Ключевые слова: русскость, духовность, традиция, душа.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (философские науки).

Цитирование: Кот Ю. В. Русскость: к определению понятия. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 730–736. EDN: YBLCIR

В настоящее время обращение к «русскости», Русскому миру объективно имеет первостепенное и даже стратегическое значение, поскольку национальной идентичности в последние десятилетия был нанесен очень тяжёлый урон. В. Ю. Даренский справедливо отмечает, что «искомая «русскость» ныне стала мощным, а возможно, и решающим фактором возрождения народа и развития государства» (Darenskiy, 2020: 52).

Русскость – типологически близкое понятие Русскому миру, что означает прежде всего их ценностно-смысловую близость. Необходимо учитывать, что русскость имеет собственное содержание, концентрированное выражение характерных черт и особенностей, которые различным образом проявляются в Русском мире.

На XVII Всемирном народном Соборе, прошедшем в 2013 году, было провозглашено общее понимание того, что «слово «русский» уже давно обозначает не столько этничность, сколько культурную, цивилизационную и духовную принадлежность» (V Moskve sobralysya...). Русскость есть основа национального менталитета русского народа, основной маркер его национальной идентичности, важнейший признак в системе его исконных этнических признаков. Патриарх Кирилл в своём слове на Соборе выделил «симфонию этносов», которая является сущностью и своеобразием русской цивилизации. Однако глава Русской православной церкви подчеркнул особую роль русской культуры в становлении России. Причём «русское ядро» скрепляет и центрирует вклады других этносов и народов

в укрепление России, отнюдь не умаляя их (V Moskve sobralysya...).

Кардинально важно различение *русскоязычности* и *русскости*, которые абсолютно не тождественны. Большой ошибкой является замена понятия «русские» «русскоязычным населением». Это в итоге приводит к устранению русскости, а вместе с ней русской культуры и русского народа как такового. Также недопустима подмена *русского российским*, вытеснение благодаря этому словосочетаний *русский народ*, *русская литература*, *русская музыка*, *русская идея*. Вспомним в этой связи мысли крупнейшего русского композитора XX века Г. В. Свиридова: «Я русский человек! Что ещё можно сказать? Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. И прекрасно он может жить в России. На здоровье, пусть живёт. Но русский человек – это русский человек. Во мне течёт русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный, но вот я такой, как есть – русский человек. И этим горжусь!

Я призываю всех вас возвысить свой голос в защиту нашей великой культуры, нашей великой литературы. Я призываю вас: не стыдитесь того, что мы – русские люди! Я призываю вас с высоты своего возраста, и не сердитесь на меня, что я так говорю: «Надо гордиться, что мы – русские люди!». Эти слова должны, наконец, зазвучать в каждом сердце наших соотечественников, и тогда – мы обретём самих себя!» (Sviridov, 2002: 272).

На наш взгляд, очень глубокие и ёмкие определения русскости сформулированы А. А. Корольковым. Исследователь отмеча-

ет, что русскость – менее всего характеристика этническая: этнически русский может совсем не быть носителем русскости, тогда как «носитель африканской крови способен стать высшим проявлением русскости, что и продемонстрировал в нашей истории русский гений Александр Сергеевич Пушкин». Русскость – «качество души и сердца, наполненность души человека любовью к Родине, к ее культуре в самых глубинных, сокровенных проявлениях». Подчеркивается, что эта любовь отнюдь не является «эгоистической», она «распахнута в мир, при этом не теряя своей неповторимости, самобытности». Всемирность русской культуры, всемирная отзывчивость (определение сформулировано в Пушкинской речи Ф. М. Достоевского – Ю. К.) не уничтожают реальность русскости» (Korolkov, 2011: 6).

Русскость культуры А. А. Корольков определяет как «проявление, выплеск глубинной народной души, ее потаенных и вместе с тем самых определяющих, субстанциональных особенностей». Ключевую роль здесь играет традиционная духовность, основанная прежде всего на православном христианстве: «Остаться русским, сохранить русскость – значит нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединив в себе вселенские истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И. А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью. Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости» (Korolkov, 2011: 86). Здесь мы вновь видим славянофильскую мысль о тождественности *русского и православного*. Православие воспринималось как наиболее подходящее для русской души, ее особого склада, идеально подходящего для православной духовности. Со временем эта идея вышла за славянофильские круги.

Особое духовное начало было воплощено и в русской философской мысли: «Русские философы размышляли не о чистоте крови, а о чистоте помыслов, идеа-

лов, о правде жизни, поэтому философия наша была озабочена спасением России как духовного материка, пристанище на котором может найти человек любой нации» (Korolkov, 1998: 50).

Вновь противопоставляются определение «русский» и «российский», «русский» и «русскоязычный»: «Нелепо называть Пушкина, Достоевского, Шукшина, Распутина российскими писателями, они русские писатели, они выразители русскости в литературе, которую совершенно определенно называют русской литературой» (Korolkov, 2011: 9).

В связи с русскостью и русскоязычностью А. А. Корольков размышляет следующим образом: «Быть русским и русскоязычным – не одно и то же, равно как и умение изъясняться по-английски не превращает кого-либо в англичанина». В качестве примера приводится уникальная книга И. С. Шмелёва «Лето Господне», которую «мог написать не просто русскоязычный писатель, а Иван Шмелёв, напитавшийся с младенчества духом православия, русским духом» (Korolkov, 2011: 10).

Исследователь выделяет В. И. Даля, который, имея немецкую и датскую родословную, будучи по вероисповеданию лютеранином, «редчайшим образом чувствовал и проявлял русскость в культуре всем своим творчеством и стал олицетворением русскости в словесности». Тайна русскости великого лексикографа – в «неуловимом, неформализуемом чувствовании звучания русского слова, его потаенной основы, его корневого происхождения» (Korolkov, 2011: 11).

В работе Е. А. Мостовщиковой «Светлый образ России» анализируются истоки русской духовной традиции, которая формировалась под влиянием кирилло-мефодиевского наследия. Православие на много столетий становится основной почвой для развития духовных практик на Руси. И самым высшим проявлением духовности у человека в русской традиции становится святость как «архетип духовной жизни, ставший идеалом для всех последующих поколений». Русскость есть следова-

ние истинно духовному идеалу, тогда как в Западной Европе первое место в иерархии ценностей занимает социальный престиж и материальный успех (Mostovshchikova, 2009: 169).

А. П. Валицкая в статье «Образ России в контексте национального самосознания» сосредотачивает внимание на нравственной преданности своей Родине как важнейшем качестве именно русского национального самосознания. Родина – «символ духовного братства» народа, «константная универсалия национального самосознания», объединяющая людей. Исследователь подчёркивает: «Образ России, страны, Родины принадлежит аксиосфере культуры, составляет ее ядро, но прежде всего присутствует в индивидуально-личностном сознании каждого из тех, кто именует себя русским, человеком родной культуры, идентифицирует себя с нею» (Valitskaya, 2009: 7).

Н. В. Теплых в статье, опубликованной в 2023 году, подчёркивает, что «вплоть до настоящего времени ценностные доминанты «русскости» не потеряли своей актуальности, среди которых российская общественная мысль выделяет религиозность, коллективизм, традиционность социального бытия человека» (Теплых, 2023: 65).

Интересные мысли находим у Е. Ф. Казакова и Е. А. Чесноковой. Исследователи настаивают на том, что «русскость рождается не через самоопределение, а через отрицание». Под отрицанием здесь понимается вбирание черт западной и восточной культур, постоянно выделяемое с XIX века. Благодаря этому сформировалась выраженная конфронтационность русской души, которая ищет себя, защищая себя. Русскость «выкарабкивается» не только сама из себя, а одновременно из «аполлонической, фаустовской и магической душ», являющихся архетипами западной культуры. Для русскости немаловажным фактором является необходимость отталкиваться, то есть, заимствуя что-то от них, при этом критически относиться к ним (Kazakov, 2018: 32).

В данном контексте уместно вспомнить мысли Ф. М. Достоевского из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Господи,

да какие же мы русские?.. Действительно ли мы русские в самом-то деле? Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление? То есть я не про тех русских теперь говорю, которые там остались, ну вот про тех простых русских, которым имя пятьдесят миллионов, которых мы, сто тысяч человек, до сих пор пресерьезно за никого считаем и над которыми глубокие сатирические журналы наши до сих пор смеются за то, что они бород не бреют. Нет, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же «страны святых чудес»! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?» (Dostoyevskiy, 2008: 216–217).

Во многом характеризуя Европу и европейцев резко негативно, писатель и мыслитель одновременно подчёркивает, что эта земля является хранилищем великого художественного наследия. К нему у Ф. М. Достоевского особое отношение, поскольку оно воплощает некую высшую Красоту, призванную «спасти мир».

Русскую классическую культуру невозможно представить без европейской классической культуры, от которой были заимствованы внешние формы художественного творчества, а также и некоторые духовные идеи, затем переосмысленные по-своему. Вспомним в этой связи русское гегелианство первой половины XIX века, из которого во многом вышла дискуссия славянофилов и западников. Причём западники-«гегелианцы» отнюдь не стремились стать исключительно «европейцами». Их идеал – усвоение лучшего всемирного культурного опыта, прежде всего – европейского, и адаптация его к русским реалиям, русским традициям (Levandovsky, 1990: 159–161). А. С. Пушкин, что хрестоматийно известно, считал своими учителями Д. Бай-

рона и В. Шекспира. Творчество также ранее упоминаемого Г.В. Свиридова, равно как и русских композиторов-классиков XIX века, невозможно представить без классической европейской музыкальной культуры.

Отдавая должное классической западной культуре, «питаясь из её родника», мы отвергаем ныне навязываемые Западом деструктивные модели мультикультурализма, политкорректности и ультралиберального рынка. Все это не соответствует ни природе русскости, ни духовной сущности Русского мира.

Несмотря на сильнейшее западное влияние, которому подвергаются прежде всего либеральные слои нашего общества, этого перерождения в европейцев так и не происходит. В самый последний, казалось бы, критический момент угрозы национальным основам существования возникает какой-то национальный инстинкт самосохранения, который не позволяет России утратить свою идентичность.

Одним из важных аспектов феномена русскости является его соотносённость с феноменом советскости. Это очень сложный вопрос, являющийся темой для отдельного исследования. Впервые указанная тенденция заявила о себе в 30-е годы XX века, когда советское руководство окончательно убедилось в том, что мировая революция в течение ближайших десятилетий невозможна, в связи с чем было принято решение о «построении социализма в отдельно взятой стране». Первое в мире социалистическое государство должно было стать могучей державой, во всех отношениях конкурентоспособной по отношению к ведущим капиталистическим странам. Без уважительного отношения к великой национальной истории достичь этого было невозможно.

Если в первое советское десятилетие школьники изучали родную историю по «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, основывавшегося исключительно на классовом подходе, провозглашавшего всех дореволюционных лидеров страны, начиная с московских

князей, «агентами торгового капитала», то в 1937 году появился много более адекватный «Краткий курс истории СССР» А.В. Шестакова. В повести К.М. Симонова «Двадцать дней без войны» упоминается, что один из героев, искренне гордившийся своим происхождением из старой служилой дворянской семьи, «после тридцать седьмого года, когда в школах стали учить историю уже не по Покровскому, а по Шестакову, очень любил вспоминать об этом» (Simonov, 1984: 306). Во второй половине 30-х годов XX века на экраны вышли легендарные исторические художественные фильмы – «Петр I» В. Петрова и «Александр Невский» С. Эйзенштейна.

Ещё более масштабный характер отождествление *русского и советского* приняло в период Великой Отечественной войны, когда, как отмечают А.А. Иванов, А.Л. Казин и Р.В. Светлов, «понятие «русскости» стало, по сути, синонимом советской идентичности» (Darenskiy, 2020: 153–154). Именно тогда были возвращены многие значимые фигуры и символы русской истории. В частности, для национального самосознания очень важным является *женский* образ России и, соответственно, русскости. Вспомним в связи с этим Н.А. Бердяева, отмечавшего, что если Иисуса Христа простые русские люди часто воспринимали как грозного царя, то Богородица, напротив, для них была матушкой-заступницей (Berdyayev, 1990: 48). Религиозный мыслитель В.С. Соловьёв, по-своему интерпретировав канонический христианский образ Софии Премудрости Божией, сформировал идеальный женский образ-символ, воплощение некой высшей, божественной Женственности («Знайте же: вечная женственность ныне в теле нетленном на землю идёт...»). Широко известно, что А.А. Блок в своей ранней лирике воплотил Софию В. Соловьёва в образах Прекрасной Дамы и Незнакомки. Если Прекрасная Дама и Незнакомка были навеяны, помимо Софии, культурой средневековой Европы, то М.М. Пришвин создал достаточно близкий образ на материале русского фольклора. В его произведениях часто фигурирует

сказочная красавица Марья Моревна – идеальный женский образ-символ, воплощающий высшую красоту, высшую доброту и высшую мудрость (Stepanov, 2015: 80–82). Т.Н. Астафурова и И.В. Скрынникова выделяют трансформацию этого глубинного духовного архетипа от матери-земли через Софию В.С. Соловьева до Родины-Матери в Великую Отечественную войну (Astafurova et al., 2022: 79–80).

В военные годы ещё более громко зазвучали имена великих русских полководцев А. Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, в том числе появились боевые ордена, носящие их имя. Несколько изменилось к лучшему и отношение к Русской православной церкви, в которой советское правительство увидело идеологического союзника в борьбе с гитлеризмом.

Сложность соотношения русскости и советскости, необходимость глубокого и объективного анализа в значительной степени объясняется тем, что в последние десятилетия к этому много обращаются как в контексте «краснопатриотических» идей, которые, несмотря на заявления их проводников, в большей или меньшей степени враждебны традиционной русской духовности, так и в либеральном антисоветском контексте, очень густо замешанном на русофобии. Здесь уместно вспомнить мысли М.Б. Смолина: «На начало XXI столетия русская нация переросла, изжила коммунистический соблазн как разновидность демократического принципа, к которому возврата, вероятно, уже

не будет, так как в обществе выработались идейно-политические иммунитеты на эту духовную заразу. Современная же Россия сегодня больна новыми и одновременно старыми западническими либеральными соблазнами, ставшими своеобразным «осложнением» после продолжительного и тяжелого заболевания большевизмом» (Smolin, 2014: 4).

В заключение отметим, что в русскости кардинально важное значение имеет духовная составляющая. Особый склад русской души, фундаментальное свойство русской души и русской культуры, обладающее особой сердечной и нравственной способностью благоговейно-уважительной отзывчивости к национальным ценностям и отеческим святыням при одновременной открытости и восприимчивости к «всечеловеческому» и «вселенскому». Исходя из этого, русская культура – культура совести и справедливости, имеющая вселенский характер, чувствующая ответственность за своё сотериологическое призвание в мире. Вновь процитируем Г.В. Свиридова: «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание» (Sviridov, 2002: 274).

Необходимо отметить, что выделенное нами не отменяет этнической принадлежности русскости, а, напротив, во многом дополняет. Этническая составляющая является основополагающей, но при этом духовная русскость является ключевой не только для осознавших себя русскими «инородцев», но и для этнических русских.

Список литературы / References

Astafurova T.N., Skrynnikova I.V. Astafurova T.N., Skrynnikova I.V. *Sovremennaya rossiyskaya identichnost skvoz prizmu diskursivnykh metafor* [Modern Russian identity through the prism of discursive metaphors]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2022. 77–83.

Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. O Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Filosofiy posleoktyabrskogo russkogo zarubezhya* [Russian Russian Idea. About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the post-October Russian diaspora]. N.A. Berdyayev, B.P. Vysheslavtsev, V.V. Zenkovskiy, P.A. Sorokin, G.P. Fedotov, G.V. Florovskiy. Moscow. «Nauka». 1990. 527.

Valitskaya A.P. *Obraz Rossii v kontekste natsionalnogo samosoznaniya* [The image of Russia in the context of national identity]. *Obraz Rossii. Sbornik nauchnykh statey* [The Image of Russia. Collection of scientific articles]. Sankt-Peterburg: Pnevma, 2009. 6–23.

Darenskiy V.YU. Russkaya filosofiya kak faktor tsivilizatsionnoĭ identichnosti v XXI veke [Russian philosophy as a factor of civilizational identity in the XXI century]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of civilizational development]. 2020. 2(1). 49–67.

Dostoyevskiy F.M. Zimniye zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter notes on summer experiences]. *Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy v 12-ti t.* [Dostoevsky F.M. Collected works in 12 volumes]. T. 10. Moscow. Mir knigi, Literatura, 2008. 462.

Ivanov A. A., Kazin A. L., Svetlov R. V. Russkiy natsionalizm: osnovnyye vekhi istoricheskogo osmysleniya [Russian nationalism: the main milestones of historical understanding]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015. 16(4). 143–157.

Kazakov YE.F., Chesnokova YE.A. K probleme ruskoĭ natsionalnoĭ identichnosti [On the problem of Russian national identity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2018. 2. 31–36.

Korolkov A. A. *Organika kultury* [The organics of culture]. Biysk, 2011. 322.

Korolkov A. A. *Russkaya dukhovnaya filosofiya* [Russian Spiritual Philosophy]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RKHGI, 1998. 576

Levandovskiy A. A. *Granovsky's time at the origins of the formation of the Russian intelligentsia* [Granovsky's time at the origins of the formation of the Russian intelligentsia]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990. 302

Mostovshchikova YE.A. Svetlyy obraz Rossii [The bright image of Russia]. *Obraz Rossii. Sbornik nauchnykh statey* [The Image of Russia. Collection of scientific articles]. Sankt-Peterburg: Pnevma, 2009. 168–181.

Sviridov G. V. *Muzyka kak sudba* [Music as destiny]. Moscow. Molodaya gvardiya, 2002. 798.

Simonov K. M. Dvadsat dney bez voyny [Twenty days without war]. Aleksin A., Vorobyev K., Nilin P., Rasputin V., Roshchin M., Simonov K., Skalon A., Trifonov YU. *Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Sost. N.TS. Stepanyan. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 464.

Smolin M. B. *Tayny russkoy imperii* [Secrets of the Russian Empire]. Moscow. Veche, 2014. 448

Stepanov S. A. Idealnyy zhenskiy obraz-simvol v otechestvennoy literature pervoy poloviny KHKH veka [The ideal female image is a symbol in Russian literature of the first half of the twentieth century]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI]. 2015. 2(64). 79–83.

Teplykh N. V. Tsennostnyye dominanty «russkogo mira» i perspektivy budushchego Rossii [The value dominants of the “Russian world” and prospects for the future of Russia]. *Sotsialnyye normy i praktiki* [Social norms and practices]. 2023. 1. 63–73.

V Moskve sobralasya Vsemirnyy russkiy narodnyy sobor. <https://rg.ru/2013/11/01/forum.html>